

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Е.Н. Александрович

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ИНДОНЕЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСПЕХОВ «НОВОГО ПОРЯДКА» (на примере провинций Аче и Ириан-Джая)

Мы хотели бы затронуть тему, немаловажную для практически любого крупного полиэтнического государства, ярчайшим примером которого является Индонезия. Речь идет о балансе интересов между политическим центром государства (Джакартой, или — шире — Явой в случае Индонезии) и периферией (так называемыми «Внешними островами») в различных областях общественной жизни. Данная проблема сохраняла свою актуальность на протяжении всей независимой истории Индонезии и приобрела особую остроту с началом реформ, либерализацией и гласностью (*keterbukaan*) индонезийского государства в конце 1990-х годов прошлого века. Мы хотим уделить внимание соотношению двух аспектов проблемы: материального благосостояния жителей регионов на примерах провинций Аче и Ириан-Джай и их лояльности государству, важнейшему элементу жизнеспособности государственного устройства страны.

Что представляла собой Индонезия в период президентства генерала Сухарто с точки зрения развития общественных институтов? «Новый порядок» характеризовался высоким уровнем вмешательства в культурную и общественную жизнь страны, жестко регламентируя общепринятые идеологические принципы и конституционные свободы. Все усилия государства были направлены на воспитание своих граждан прежде всего индонезийцами, а не представителями отдельных народностей, иными словами, имели своей задачей повышение престижа республики и ее политического центра по отношению к регионам. На общеиндонезийской публичной арене этнические черты выступали лишь в

форме некоей яркой витрины национальных костюмов и гастрономических особенностей, что было красноречиво воплощено в известном каждому индонезийцу парке «Индонезия в миниатюре». Различия между этносами, таким образом, сводились лишь к бытовой сфере, одновременно с этим размывались уникальные черты отдельных регионов на фоне некоего усредненного индонезийского конструкта. Подобная политика, сглаживавшая не только особенности, но и преимущества и недостатки отдельных регионов, особенно отчетливо прослеживалась в сфере экономики и распределения национальных ресурсов между провинциями.

В силу ряда геобиофизических и исторических особенностей экономический вклад регионов Индонезии в национальную казну «Нового порядка» характеризовался крайней неоднородностью. Стремительный рост цен на энергоносители в 1970-е годы сделал ряд провинций, таких, как Риау, Западный Калимантан, Аче и Ириан-Джая, ключевыми для формирования доходной части бюджета республики, в котором в отдельные моменты доля доходов от энергоносителей достигала двух третей. Дополнительные ресурсы, неожиданно появившиеся таким образом у правительства, направлялись как на развитие регионов через целевые программы, такие, как Inpres («распоряжение президента»), так и, в значительной степени, — на усиление административного ресурса и влияния правительства республики, а также на развитие Явы. Показательным для использования доходов от экспорта энергоносителей является тот факт, что дерегуляция и индустриализация индонезийской экономики, последовавшие за падением цен на нефть в 80-е годы, затронули исключительно территорию Явы, в особенности провинции Западная Ява и Особый Округ Джакарта, оставляя Внешним островам лишь удел развития традиционного сельского хозяйства и немногочисленные промышленно-сырьевые анклав.

Последние, такие, как закрытая промышленная зона Лхок Сёмаве в Северном Аче, по объемам второе месторождение природного газа в мире, и Фрипорт в Ириан-Джае с крупнейшим в мире месторождением золота и одновременно третьим по величине — меди, были, по сути дела, более интегрированы в мировую экономику, нежели чем в мест-

ную налоговую систему и инфраструктуру. Доходы от экспорта природных ресурсов полностью поступали на счета банка Индонезии в Джакарте, далее частично перераспределяясь по уравнительному и не всегда предсказуемому принципу между бюджетами провинций. Полная обособленность капиталоемких промышленных комплексов от жизни на окружающих их территориях, а также ощущение несправедливости от слабого влияния успехов местной промышленности на занятость населения (одни из самых низких показателей по стране) и на развитие региональной экономики с лихвой перевешивали положительный эффект от целевых программ местного развития.

Здесь необходимо отметить, что успехи Индонезии в области социального развития были существенными для государства, еще в 1960-е годы имевшего самые низкие в Азии и Африке показатели дохода на душу населения. Были построены развитая система школ, к началу 1980-х гг. позволившая достигнуть всеобщего начального образования, и медицинских центров и поликлиник, что в свою очередь сделало программы вакцинации и семейного планирования доступными практически всему населению страны, сведя, например, уровень прироста населения до самого низкого в Юго-Восточной Азии (1980–95 — 1,8 % / год).

Однако данные достижения были общими для всей страны, тогда как вклад двух провинций в общенациональную копилку значительно превышал средний по провинциям (ВВП на душу населения Аче и Ириан-Джай в 1980-х — в 1,5 и 3 раза выше общенационального соответственно) при большом количестве нерешенных социально-экономических проблем. Структура и степень этих проблем разнятся между двумя провинциями и выглядят следующим образом.

Провинция Аче, некогда практически не интегрированная в состав голландских колоний экономически, а в 1945 г. добровольно вошедшая в состав республики, традиционно считается благополучным регионом с относительно высоким уровнем образования и практически полным отсутствием бедности. Традиционно благополучие народности Аче строилось на сельском хозяйстве и торговле с другими островами и материком. Однако прямая торговля с введением государственных границ и новых таможенных преград была

практически сведена на нет после вхождения Аче в состав республики. Что касается сельскохозяйственной продукции, в частности экспортных культур и риса, всегда производимых в провинции в избытке, то развитие этого сектора и вывоз продукции за территорию провинции были затруднены слаборазвитой портовой и дорожной инфраструктурой, и далее, с 1989 г. — начавшейся военной операцией по борьбе с партизанским «Движением за независимость Аче» (GAM). Обострившаяся ситуация с безопасностью гражданского населения, фактическое двоевластие и как следствие — нарушения прав человека и всеобщий террор стали на десять последующих лет основной причиной катастрофического ухудшения качества жизни ачехцев. В то же время широкая поддержка сепаратистов со стороны гражданского населения была следствием укоренившихся антиправительственных и антияванских настроений среди населения, так и не получившего от правительства Республики ни некогда обещанной широкой местной автономии, ни процента от прямых отчислений от эксплуатации природных ресурсов провинции. В результате в конце 80-х годов 75 % жителей провинции жили за чертой бедности, тогда как в полуостровной Малайзии, с которой ачехцев роднят тесные исторические и культурные связи, доля населения со схожим уровнем доходов не превышала 17 %.

Ситуация в Ириан-Джае была сходной с ачехской лишь в одном — в антииндонезийских настроениях коренного населения. В отличие от Аче, Ириан-Джая была включена в состав Индонезии против воли ее руководства и жителей, и ныне является не только одним из беднейших регионов Индонезии, но и входит в число беднейших регионов во всей Юго-Восточной Азии. Попытки привить индонезийский образ жизни папуасам посредством их ассимиляции с аустронезийским населением с помощью переселения папуасов в дома яванского типа или и вовсе в городскую среду, навязывания культивации и употребления в пищу риса вместо дикорастущего саго и корнеплодов, как правило терпели неудачу, приводя лишь к пополнению за счет экономически неактивного коренного населения рядов городских бедняков и безработных. Конкуренция же со стороны местных амбонских переселенцев и яванских трансмигрантов,

приехавших по государственной программе перемещения населения с Явы на Внешние острова, вместо предполагавшейся миссии аккультурации, лишь породила межэтнические и межконфессиональные противоречия между папуасами и пришельцами. Более того, среди образованных папуасов спонсируемая и поощряемая государством самостоятельная трансмиграция на Ириан-Джаю приобрели очертания некоей спланированной демографической агрессии, имеющей своей целью превратить папуасов в меньшинство на их исторической родине.

Как и в Аче, в Папуа (новое название Ириан-Джаи) вопрос о традиционных правах на землю автоматически решался в пользу государства, то есть тех компаний, которые от имени правительства строили предприятия по добыче и переработке полезных ископаемых, попросту выселяя коренных жителей без каких-либо компенсаций. Так, предприятием «Фрипорт МакМоРан», одним из первых, приведенных «Новым порядком» в Индонезию, были переселены члены одного из крупнейших племен острова — амунгме. Через тридцать лет эксплуатации этого медного месторождения священная для амунгме гора Эрстберг, возвышавшаяся на 1 800 м над альпийскими лугами, уступила место 360-метровому карьере, наполовину заполненному водой. Амунгме, как и десятки других народностей Индонезии, столкнувшихся с наступлением промышленности, оказались абсолютно бесправными в данном противостоянии, особенно учитывая полную поддержку государством подобных проектов, включая предоставление иностранным предприятиям вооруженных подразделений охраны, поступающих на полное содержание этих компаний. Учитывая полную информационную изоляцию и недоступность промышленных районов (здесь стоит отметить, что инфраструктура в Ириан-Джае вне промышленных объектов и районов расселения трансмигрантов настолько слаборазвита, что передвижение по провинции происходит практически исключительно вдоль побережья по морю), многочисленные случаи столкновений охраны промышленных объектов и полиции с папуасами неизменно заканчивались жертвами среди последних, вызывая новые витки противостояния, а также массовые переселения коренного населения, как это, напри-

мер, случилось в 1984 г., когда 11 000 беженцев перешли границу, укрывшись в Папуа-Новой Гвинее.

Таким образом, можно заключить, что коренные жители данных провинций стали своего рода заложниками природных богатств своих собственных земель. В рамках унитарного государства, контролировавшего и централизованно планировавшего развитие всех провинций, а также сдерживавшего информационные потоки и протест регионов, интересы последних учитывались либо не в полной мере, либо вовсе не играли роли в процессе формирования социальной и экономической политики. Результатом подобного подхода стало неудовлетворение местного населения прежде всего не степенью, а структурой преобразований и невниманием правительства к реальным потребностям населения. Помимо этого, одним из ключевых причин для недовольства стало полное отсутствие прямого влияния местной промышленности в Аче и Ириан-Джае на занятость и качество жизни населения данных провинций. В итоге подобное устройство отношений с регионами становится возможным только при условии постоянного оказания давления со стороны политического центра, а также при известной степени закрытости информационного пространства.

В.Р. Атнашев

ТРАГЕДИЯ ЧАМОВ КАМБОДЖИ (1970-е годы)

Статья посвящена самому трагическому периоду в истории чамов в Камбодже. Чамы (тямы) — австронезийский народ, создавший в древности на территории современного южного и центрального Вьетнама государство Чампу с богатой самобытной культурой. Несмотря на значительное число населения в прошлом, ныне большинство чамов проживает именно в Камбодже, а не в Социалистической республике Вьетнам.

В отличие от китайского и вьетнамского населения Камбоджи, которое там воспринимают как иностранцев, камбоджийские чамы считаются местной народностью. В соответствии с принятым в Камбодже различием «нацменьшинство» и «иностранцы» чамов часто считают самым боль-